

— Что ж, помни об этом всю жизнь.

Слова, полные собственнической власти, нисколько не испугали Лингуана — он даже позволил себе лёгкую улыбку и небрежно потрепал Юэ Чжао по голове.

Потом запрокинул подбородок, скользнул взглядом наискось — в уголке губ играла яркая, притягивающая к себе усмешка.

Мелкие, ластящиеся прикосновения ложились на шею; кожа зашлась лёгким зудом, и с каждым выдохом воздух между ними становился всё горячее.

Рубашка, заправленная в брюки, выбилась наружу. Юэ Чжао скользнул рукой под одежду — ладонь прошла по поджарому, упругому животу, по чёткому рельефу мышц, уходящему под пояс.

Грубоватая марля бинта тёрлась о бок. Впадины над тазовыми костями едва уместались в ладони — самые незащищенные, самые желанные места.

— М-м! — Лингуан не удержался, по телу прокатилась дрожь, с губ сорвался невнятный стон.

Услышав собственный голос, он инстинктивно зажал рот рукой; в глазах защипало, выступила лёгкая влага.

Попытался вырваться — и тут же был пойман.

Юэ Чжао потянул его обратно, не разжимая рук, а лишь сжимая крепче.

— А-Лин, — прошептал он с обиженным видом прямо в ухо. — Разве нельзя?

Сердце Лингуана растаяло. Ну как тут откажешь — он немедленно согласился.

Но день стоял светлый; стеклянные стены со всех сторон отражали мрачную темноту снаружи, и это ощущение — что некуда спрятаться, что всё на виду — жгло.

Юэ Чжао двигался медленно, почти ласково. Руки скользили по коже неспешно, вдумчиво, не торопясь.

Лингуан сжал его запястье. Щёки горели. Губы несколько раз беззвучно шевельнулись — прежде чем он всё-таки закрыл глаза и тихо попросил:

— Не заходи слишком далеко.

— Я просто трогаю, — фыркнул Юэ Чжао. — А-Лин такой изнеженный.

Е Линь делал куда более бесстыдные вещи. А тут — просто руки, и уже «слишком далеко»?

Но стоило подумать об этом иначе: такой нежный А-Лин — не для него. А-Лин хотел бы быть рядом со своим первым.

Сам он — лишь вор.

Ревность забурлила, как вода в закипающем котле.

Кроткие оленьи глаза в одно мгновение затопило злым умыслом. Он холодно скользнул взглядом по закрытым векам Лингуана — ресницы чуть дрожали, но отказа не было; стоило ему замереть, как Лингуан приоткрывал глаза — влажные, мерцающие, — и смотрел на него мягко.

В этот миг Юэ Чжао казалось: что бы он ни сделал, ему простят всё.

Его взгляд изменился. Переполнился тьмой — тяжёлой, плотной, холодной, как мёртвое море в безлунную ночь.

Он и был злым богом — изначально, по природе своей. Он поощрял тёмные порывы своих последователей, превращая человеческий мир в ад из греха и похоти.

Пока трезвые бунтари не подняли знамя сопротивления.

Люди выкололи Ему глаза — и лишились солнца и луны. Содрали с Него чешую — и потеряли свой дом. Когда они поглотили Его плоть, проклятие по имени «грех» вошло в каждое человеческое тело.

И так Юэ Чжао умер и воскрес.

Ему принадлежали четыре моря и семь измерений. Он смотрел на мир сверху вниз, обманывая и играя простыми смертными в своё удовольствие.

Он — бог желания. Он — владыка зла.

Лингуан не знал, чем заканчивается потакание злему богу.

Но скоро узнает.

Юэ Чжао без стеснения запустил руку в брюки. Чёрная ткань, натянутая на бёдра, обрисовывала округлые, упругие линии — невозможно было не касаться, не сжимать.

Лингуан резко распахнул глаза, затравленно огляделся по сторонам и вцепился в его руку:

— Подожди! Подожди!

— У тебя рука ещё не зажила, среди бела дня ты как вообще—

Голос осёкся. Тон сломался.

Юэ Чжао смотрел с самым невинным видом, уголки губ приподняты. Он медленно вытащил руку и протянул её к Лингуану: бинты сами собой развернулись — пальцы целы, ногти ровные, розоватые сквозь прозрачную кожу, рука — точёная, как нефритовая.

Эта рука легла на белую рубашку и слегка надавила. Они вместе опрокинулись на диван.

Лингуан оказался лицом вниз, прижатый к спинке. Хотел обернуться, хотел оттолкнуть Юэ Чжао — чужая рука не пустила.

Юэ Чжао встал на колени сзади, нависая сверху, — взгляд опасный и манящий, уголки глаз опасно сужены, изогнуты в игривую дугу.

Он перебирал пальцами шёлк красных волос — то, чего прежде касаться не позволялось.

Теперь он намотал их на запястье. Потянул. Лингуан почувствовал, как кожа головы слегка натянулась, — пришлось запрокинуть голову, открывая длинную шею целиком.

Юэ Чжао наклонился и поцеловал её.

Жёстко — совсем не так ласково, как можно было подумать. С силой, с жаром, пока под кожей не проступила багровая отметина, — и лишь тогда снизошёл до лёгкого примирительного прикосновения.

Немного больно.

Лингуан мысленно отметил это.

Мягкий Юэ Чжао, вдруг переставший слушаться, — для Лингуана это было как рывок со дна от слишком смиренного щенка. Или просто азарт ударил в голову.

Он не сопротивлялся. Лежал, повернув лицо набок, терпеливо и всепрощающе поглаживая его длинные волосы, — нити скользили сквозь пальцы, как тёплый шёлк.

Юэ Чжао смотрел на свежие отметины. Взгляд наполнился жадным предвкушением, звериной жаждой.

Он не останавливался — грыз, кусал, как дворовый пёс, которому досталась единственная кость, и он вгрызается в неё изо всех сил, боясь, что отберут. Стоило Лингуану издать глухой стон — Юэ Чжао загорался; стоило замолчать — тот впадал в неуверенность, становился тревожным, ещё настойчивей искал отклика.

За окнами было слишком светло. Невыносимо — солнечные пятна разбросаны по полу, листья шелестят за стеклом.

Лингуан зажмурился, уголки глаз налились горячим цветом. Пришлось прикусить мякоть кулака, чтобы не дать вырваться звукам, которые жгли изнутри стыдом.

Он ещё мог это вытерпеть.

Но потом на пол упала пуговица от рубашки, и терпение лопнуло.

Лингуан начал сопротивляться — схватился за его руку, попытался применить силу, но тут же был опрокинут, запястья придавлены к дивану, пальцы переплетены с чужими.

В итоге он мог лишь сжать в кулак складку ткани, отдавливая подушечки пальцев до розового.

— Не надо... не надо...

Настойчивые движения Юэ Чжао в конце концов вытолкнули из Лингуана слёзные нотки.

Он редко терял то ледяное спокойствие, которое носил как броню, — а сейчас лицо горело, и ничего нельзя было с этим поделать.

Юэ Чжао на миг замер. Но его переполняло только одно — желание завладеть, — и до смущения Лингуана ему не было никакого дела.

Слишком долго рядом с людьми — вот в чём беда. Чистый демон-зверь не знает стыда, а Лингуан знает.

Белый дневной свет сквозь стеклянные стены заливал всё беспощадно — прозрачно, не оставляя теней. Голова у Лингуана шла кругом от стыда.

Он начал сворачиваться, втягиваться в себя — как улитка, которая наконец сообразила, что надо прятаться.

Юэ Чжао именно в тот момент, когда тот решил, что спрятался, раздвинул сжатые створки — придавил дрожащие колени по обе стороны, не давая закрыться.

Подол рубашки задрался и оказался зажат между зубами.

Он склонился, обхватил руками тонкую талию, приподнял — поднёс к губам.

Со стороны это выглядело так, будто Лингуан сам закусил краешек рубашки, сам подставил живот под чужой рот.

И эту поджарую талию мяли, не жалея, — по линии мышц, ниже, ниже, влажным следом.

Лингуан едва не сорвался. Выплюнул намокший подол, пнул его пару раз и, спотыкаясь, позвал:

— Юэ Чжао. Юэ Чжао.

Позвал дважды — без толку. Только стало жальче. Голос дрогнул:

— Не так... пожалей меня...

—... А-Цин.

Юэ Чжао застыл.

Он выпрямился. Смотрел сверху вниз на Лингуана — тот часто дышал, красивый, как птица, выловленная из воды.

Высокий и гордый — упавший в грязь. И зовёт имя первого прямо в чужой постели.

Жалко. Как жалко.

— А-Лин, — тихо сказал Юэ Чжао. — Какой ты жалкий.

Он поцеловал его в ресницы. А потом, с ещё большей жестокостью, перевернул на спину лицом к себе и потянул за пояс брюк.

Но Лингуан уже был не здесь. Повторял «А-Цин», обнимал Юэ Чжао за шею и просил ласки.

Юэ Чжао, измотанный его плачем, сжал горло ладонями и заставил его целоваться.

Влажная нить потянулась по подбородку. Красивые губы уже распухли — каждое движение отдавалось болью.

Только так этот рот переставал произносить имя, которое Юэ Чжао ненавидел слышать.

Но что с того?

Украденное — оно и есть украденное. Нельзя ждать настоящего от того, что взято силой.

— Я издеваюсь над тобой, А-Лин.

Юэ Чжао произнёс это тихо. — Пока я живу — ты будешь плакать.

Лингуан доверял ему. Вопреки всему — доверял. И против этого ничего нельзя было поделать. Юэ Чжао привёл его в порядок. Вернул всё на место.

Он жалел Лингуана. Провёл подушечками пальцев по покрасневшим уголкам глаз, вздохнул и поцеловал его.

— Жду, когда ты придёшь убить меня.

Как те люди. Убей меня. Рассеки. Прокляни.

Я паду вместе с тобой.

Лингуан лежал на диване совершенно опустошённым. Прикрывал рот рукой и дышал тихо-тихо — стоило ускориться, губы нещадно болели.

Он ничего не сказал.

Только когда пришло время идти на работу — не выдержал. Схватил Юэ Чжао за волосы и уставился на их отражение в зеркале:

— Как мне так идти на работу?!

Вся шея в отметилах. Синяя, фиолетовая. Больно прикоснуться.

— Ты вообще собака, что ли?

Юэ Чжао, до этого вялый и безучастный, вдруг оживился. Придвинулся к Лингуану — тот решил, что сейчас поцелует, и недовольно отвернулся.

Но Юэ Чжао не поцеловал. Он просто тихонько гавкнул ему в ухо.

Лингуан опешил. Не сразу понял.

Юэ Чжао воспользовался замешательством и усугубил ситуацию: бирюзовый хвост выскользнул из-под рубашки и обвился вокруг его ноги.

— Не собака. Дракон.

— Дракон лучше собаки.

—... И откуда в тебе такое самолюбие? — Лингуан рассмеялся, забыв злиться.

Схватил хвост, обмотавшийся вокруг ноги, — тёмная чешуя была такой, что даже у него перехватило дыхание.

— Сколько ты убил людей?

Юэ Чжао промолчал. Лингуан не стал развивать тему — незачем делать ему больно.

Посмотрел в зеркало на своё плачевное отражение и обречённо выдохнул:

— Возьму отгул на день. Завтра выйду.

— А если завтра не пройдёт? — спросил Юэ Чжао.

Лингуан смерил его взглядом:

— Послезавтра отчётный день, опаздывать нельзя. Не пройдёт — ночуй в своей комнате!

Юэ Чжао просиял. Вцепился в Лингуана:

— А если пройдёт — значит, будем спать вместе?

Лингуан промолчал. Юэ Чжао не унимался — прижимался к нему, в оленьих глазах стояла притворная влага, и он нарочно подражал детёнышу дракона: «аоу», «аоу», выпрашивал ласку.

Лингуан наконец засмеялся.

В зеркале было видно: мочки ушей — пунцовые. Стыд медленно скатывался по шее и прятался в воротник.

<http://bllate.org/book/20308/2215054>